

К тому времени многие из лагеря были шокированы моим появлением, поскольку я вел себя не как Дитя Зевса, а скорее как человек, свернувший с дороги после встречи с леди Гекатой на перекрестке, и многие из детей, с которыми я подружился за те дни, что я здесь, присоединились к нам с Талией за нашим столом.

Однако после того, как ужин и время Артемиды прошли, и я проснулась в своей постели в своей хижине, я почувствовала себя более полной и синхронизированной с тем, кем я должна быть, что очень обрадовало Перси, Талию, Итана и некоторых других отдыхающих, в то время как я лично просто провела остаток дня, чувствуя себя довольной.

К этому времени я вернулся в хижину вместе с Перси и Талией, и нас с сестрой обучал некоторым мирским играм Перси, который вернул свою мать всего через два часа после ухода богов, но вынужден был признать, что, как и моя собственная мать, Салли Джексон не могла пройти через барьер; Талия или не Талия.

Это напомнило мне о том, что магглорождённые не могут связаться со своими родителями, находясь в Хогвартсе, поскольку вокруг школы установлены магглоотталкивающие барьеры, и это заставило меня ещё больше поблагодарить за новые правила и законы, которые установил мой отец и другие Боги и Богини Олимпа.

Я снова вспоминаю, какой была жизнь в Хогвартсе, и мне уже не больно эмоционально рассказывать о том, как я постоянно получал удары от Рона во время игры в магические шахматы, на что Талия почтительно говорит: "Интересно, как бы он играл в обычные шахматы?". И я начинаю смеяться над этим, поскольку знаю одно:

"Рон Уизли слишком ленив для обычных шахмат, сестренка. Он устал бы просто передвигать все фигуры. Либо это, либо раздражение. У меня был бы шанс, если бы мы так играли". И Перси с Талией присоединяются к моему смеху, прежде чем другой веселый голос громко говорит: "Хорошо, приятно видеть, как вы развлекаетесь".

И когда я смотрю туда, откуда доносится голос, мои глаза расширяются, когда я вижу отца, стоящего в дверях хижины, рядом с ним стоит кровать Талии, так как девочка чувствует себя легко в ловушке, когда не может выйти на улицу, и мы все встаем, Перси даже кланяется, но отец отмахивается от нас и говорит, как он сказал:

"Сядьте, сядьте. Моим детям и племяннику не нужно вести себя со мной так официально. Мы ведь сейчас не на официальном собрании, не так ли?" Я качаю головой, а Талия спрашивает: "Что привело вас сюда, отец? Через два дня к нам прибудет кабина "Аполлона", а мы всего лишь четвертые после них, не так ли?" Отец кивает ей и говорит:

"Я здесь по двум причинам. Во-первых, вы можете ожидать, что очень скоро к вам приедут еще два кузена. Я предупреждаю тебя об этом, потому что - ну, в общем, - они на самом деле похожи на твоего брата, но потом из-за меня". Это меня шокирует, и я спрашиваю: "Их мунданный родитель умер - из-за тебя, отец?" Отец кивает и говорит:

"Как ты уже знаешь, была Вторая мировая война, которую вызвали и в основном вели дети меня, Аида и Посейдона. Так вот, в конце этой войны, когда гитлеровские войска были разгромлены, а другие стороны проиграли, дельфийский оракул произнес пророчество, которое заставило нас троих дать клятву - весьма нарушенную - никогда больше не иметь детей.

Однако, пока Аид, Посейдон и мои дети умирали, готовились к самоубийству или уже были мертвы, у Аида еще оставались дети, которые действительно соответствовали пророчеству, и я потребовал от Аида, чтобы он прислал их сюда. Аид, однако, опроверг меня, и - что ж, мой нрав за века стал легендарным".

Это меня очень удивляет и шокирует, и я спрашиваю: "Ты пытался их убить?" Отец кивает, и я спрашиваю: "А что случилось? Ведь они, очевидно, выжили, иначе Аид не стал бы заключать сделку с Перси, так что же произошло?" Мужчина вздыхает и говорит: "Я взорвал отель, в котором они остановились. Аиду удалось спасти своих детей - но не их мать.

Он поклялся, что заставит меня заплатить за это, и проклял хозяина Дельфийского оракула, угрожая при этом уничтожить меня. Думаю, теперь, когда Перси заключил сделку, а Итан произнес те тревожные слова, Аид решил, что у него есть другие заботы и проблемы". На это я киваю, а затем продолжаю разговор в соответствии со своей просьбой:

"Вы сказали, что у вас есть две причины для этого визита. Какова вторая, отец?" Мужчина снова вздыхает, но на этот раз я не испытываю жуткого чувства внизу живота, услышав это, поскольку после этого он улыбается и говорит: "Я знаю, что у тебя все еще на уме старый Хогвартс. Вы не будете против, если мы приведем этих преданных на Большое Разоблачение?"

Это повергает меня в шок, поскольку такого вопроса я не мог ожидать целую вечность, но затем я беру себя в руки и спрашиваю: "А кто уже доказал, что заслуживает доверия?" И папа отвечает: "Люпин, остальные Уизли, Гермиона, Тонкс, Муди и Кингсли. Ну, и Джордж Уизли знал, что ты - ребенок Сири".

Я смотрю на отца, размышляя, сколько бомб он собирается вывалить на меня, и он говорит: "Очевидно, им двоим стало любопытно, что их учитель был уверен, что твоя мать хочет тебя убить, и они каждый провел свое собственное небольшое исследование, только Джордж узнал твое настоящее имя при рождении".

Это заставило меня улыбнуться, поскольку я как бы ожидал, что эти двое придумают что-то подобное, и тогда я спрашиваю: "Папа, могу я попросить богов об одолжении?" Мужчина смотрит на меня, и я говорю: "В прошлом году я отдал близнецам свой выигрыш на Трех Волшебников, чтобы они помогли им с магазином шуток. Не мог бы кто-нибудь из Богов продолжить то, на чем я остановился?"

Мужчина кивает и говорит: "Я позабочусь об этом. Вы же сосредоточьтесь на предстоящем прибытии кузенов и на воссоединении с теми, кто вам предан, через несколько недель или месяцев. Кстати, Посейдону и остальным еще предстоит допрос учителей, но они спросили меня, стоит ли им ждать, когда ты будешь готов присоединиться к ним, или нет?"

Это заставляет меня улыбнуться отцу, но я качаю головой и говорю: "Я только сейчас обнаружил, что у меня есть родители, и начинаю понимать свои реальные способности. Я просто - еще не готов встретиться с ними лицом к лицу, видя, что даже они не поняли, что со мной происходит. Мне нужно еще немного времени, не только для тренировок, но и для того, чтобы еще немного подлечиться".

Папа кивает, а потом с особой теплотой и любовью спрашивает: "Я понимаю, и Посейдон, и остальные тоже. Так вот, может быть, ты или твоя сестра уже слишком взрослые, чтобы отец укладывал их в постель? Ведь Артемида уже отправилась в путешествие". И как только мы видим, что небо на улице темнеет, Перси желает нам спокойной ночи и уходит.

Талия, кажется, немного опечалена этим, и я задаюсь вопросом, может ли между моей сестрой от другой матери и сыном Посейдона возникнуть какая-то связь, но пока сестра отказывается от предложения отца, я с радостью использую свой Аэрокинез, чтобы погрузиться в постель, а отец смеется и помогает мне войти в царство Морфея на всю ночь.

<http://tl.rulate.ru/book/98803/3353380>